

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.66.24>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРЕВОДАХ ПОЭМЫ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА «МОСКВА — ПЕТУШКИ» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Научная статья

Чувикина Ю.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0006-0257-5678;

¹ Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (yuliachuvikina[at]gmail.com)

Аннотация

Исследуются особенности передачи лексики алкогольной тематики в переводах поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» на немецкий язык. Сравнимые переводы выполнены Наташей Шпитц (1978) и Петером Урбаном (2005). Произведение содержит большое количество алконимов и иной алкогольной лексики, перевод которой является трудной задачей для переводчиков ввиду отсутствия прямых эквивалентов в языке-реципиенте. Подходы к переводу данных лексических единиц рассматриваются на основе анализа различных классификаций безэквивалентных номинаций и переводческих трансформаций. Делается вывод о степени обоснованности используемых переводческих трансформаций и приемов передачи безэквивалентных номинаций алкогольного дискурса в переводах произведения.

Ключевые слова: безэквивалентные номинации, алкогольная лексика, переводческий комментарий, Венедикт Ерофеев, Москва — Петушки.

SPECIFICS OF ALCOHOLIC VOCABULARY RENDERING IN GERMAN TRANSLATIONS OF VENEDIKT EROFEEV'S POEM "MOSCOW — PETUSHKI"

Research article

Chuvikina I.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0006-0257-5678;

¹ Tver State University, Tver, Russian Federation

* Corresponding author (yuliachuvikina[at]gmail.com)

Abstract

The article studies the specifics of alcoholic vocabulary rendering in German translations of Venedikt Erofeev's poem "Moscow — Petushki". The compared translations were made by Natascha Spitz (1978) and Peter Urban (2005). The work contains numerous alkonyms and other alcoholic vocabulary, the rendering of which is a difficult task for translators due to the lack of direct equivalents in the recipient language. Approaches to the translation of these lexical units are examined on the basis of analysing various classifications of non-equivalent nominations and translation transformations. The conclusion is made about the degree of validity of the used translation transformations and methods of transferring non-equivalent nominations of alcoholic discourse in the translations of the work.

Keywords: non-equivalent nominations, alcoholic vocabulary, translation commentary, Venedikt Erofeev, Moscow — Petushki.

Введение

Поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» является одним из важнейших текстов русской литературы XX века. Сергей Довлатов сравнивал «Москву — Петушки» с романом ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс», который считается вершиной литературы модернизма: «...В словесном потоке ерофеевского романа тысячи советских эмблем, скрытых цитат, нарицательных имён, уличных словечек, газетных штампов, партийных лозунгов, песенных рефренов» [9]. Именно поэтому некоторое время поэма считалась непередаваемой.

Алкоголь играет важную роль во всём произведении. Светлана Шнитман-МакМиллин в своём исследовании пишет: «Спирт, как моление, вводит героя в мир действия иных сил, перспектив и возможностей, давая надежду на чудо — прорыв трансцендентальности в законы материи. Молитва и экстаз подменяются процессом питья и алкогольной горячкой, и в этом — страшный, саморазрушительный бунт личности» [11, С. 70]. Кроме того, произведение построено на принципах, сформулированных М.М. Бахтиным при обосновании понятия карнавальной культуры: «Своего рода современным заменителем карнавала оказывается в поэме алкоголь. Вырывая героя из всех социальных структур, водка бросает его в почти ирреальный, деформированный его пьяным сознанием "гротескный" мир подмосковной электрички, где царит карнавальная вольность...» [7, С. 256]. На страницах произведения встречается большое количество названий как советского, так и зарубежного алкоголя. В настоящем исследовании мы сравниваем два перевода поэмы на немецкий язык и анализируем, как в переводах переданы названия алкогольных напитков, а также иная алкогольная лексика.

Первый перевод поэмы на немецкий язык был выполнен Наташей Шпитц в 1978 году ("Die Reise nach Petuschki") [13]; в 2005 году появился перевод Петера Урбана ("Moskau — Petuski") [12]. Мы установили, что отсутствуют

переводоведческие исследования данных текстов, и анализ особенностей передачи безэквивалентных номинаций на примере алкогольной лексики на немецкий язык обогащает теорию и практику художественного перевода большим количеством соответствующих примеров. Данный факт обуславливает актуальность нашего исследования.

Целью исследования является изучение приемов передачи безэквивалентной лексики из сферы алкогольного дискурса в процессе художественного перевода. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучение классификации безэквивалентных номинаций, приемов их передачи в процессе художественного перевода, анализ использования приемов передачи безэквивалентных номинаций на примере перевода алкогольной лексики, а также изучение переводческого комментария Петера Урбана. В ходе исследования были использованы научные методы анализа и синтеза, систематизации и классификации, сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода, а также текстов переводов между собой по заданным критериям. Исследовательский корпус составил 39 примеров из всего произведения. Теоретической базой исследования послужили работы лингвистов, переводчиков и теоретиков перевода С.И. Влахова и С.П. Флорина [4], Л.С. Бархударова [1], В.С. Виноградова [3], а также Л.К. Латышева [8], Н.И. Дзенса и И.Р. Перевышиной [5].

Обсуждение

Согласно мнению Л.С. Бархударова, к безэквивалентной лексике относятся лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка [1, С. 94]. Л.К. Латышев, говоря о природе лексической безэквивалентности, выделяет четыре группы: 1) слова-реалии; 2) временно безэквивалентные термины; 3) случайные безэквиваленты; 4) структурные экзотизмы [8, С. 158].

У «слов-реалий», в свою очередь, тоже есть классификация. Её дал В.С. Виноградов. Он называет реалии «лексикой, содержащей фоновую информацию» и подразделяет их на шесть групп (опираясь на раннюю классификацию реалий С. Влахова и С. Флорина [4, С. 47]): а) бытовые реалии; б) этнографические и мифологические реалии; в) реалии мира природы; г) реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические); д) ономастические реалии; е) ассоциативные реалии [3, С. 54-58]. Из данной классификации нас интересуют бытовые реалии, поскольку именно к ним относятся алкогольные напитки.

В исследовании В.С. Виноградова также анализируются способы перевода слов-реалий: а) транскрипция (транслитерация); б) гипо-гиперонимический перевод; в) уподобление; г) перифрастический (описательный, дескриптивный, экспликативный); д) калькирование [3, С. 61-62]. Рассмотрим, какие из данных способов используют переводчики при переводе алкогольных напитков.

Начнём с советского алкоголя. В первой главе «Москва. На пути к Курскому вокзалу» главный герой Веничка пытается вспомнить, что он пил день назад. Он называет такие напитки, как «кориандровая» и «охотничья», при этом не упоминает слова «водка», ведь для русского читателя это и так понятно. Наташа Шпитц переводит эти напитки с помощью уподобления как “Korianderschnaps” [13, С. 9] и “Jägerschnaps” [13, С. 10]. Добавление к названиям слова “Schnaps” позволяет немецкому читателю примерно понять, что из себя представляют напитки. Однако стоит отметить, что немецкий шнапс и советская водка отличаются способами приготовления и крепостью. Петер Урбан при переводе «кориандровой» использует транслитерацию: “Koriander” [12, С. 7], а «охотничью» переводит как “Jägerlatein” [12, С. 8], и трудно объяснить, почему переводчик решил перевести напиток именно так, но ясно, что ему нельзя было оставить, например, просто “Jäger”, иначе получилось бы «охотник». К “Jägerlatein” у П. Урбана присутствует комментарий в конце книги: “Jägerlatein — russ. ochotničeskaja, 40%iger Vodka, nicht zu verwechseln mit Jägermeister” [12, С. 191]. В главе «Кусково — Новогиреево» Веничка рассказывает, что пили его товарищи во время рабочего дня и упоминает одеколон «Свежесть». Примечательно, что в первом варианте перевода используется французское название “Eau de Cologne” [13, С. 31], хотя оно происходит от немецкого “Kölnischwasser” (которое присутствует в тексте П. Урбана [12, С. 32]), поэтому употребление французского слова просто нелогично. П. Урбан также указывает в комментарии, что одеколон «Свежесть» — это лосьон для лица на спиртовой основе [12, С. 203] (здесь и далее перевод наш. — Ю.Ч.). Когда главный герой рассказывает, как правильно исследовать икоту, то даёт следующее указание: «...два часа подряд пейте что-нибудь крепкое: старку, или зверобой, или охотничью» (гл. «33-й километр — Электроугли»). «Старку» в данном предложении Н. Шпитц перевела как “Wodka” [13, С. 61], что можно отнести к гипонимическому переводу. У П. Урбана снова встречаем транслитерацию “Starka” [12, С. 65] с комментарием: “Starka — populäre Abk. für staraja, alt, eine der stärksten Vodkaarten der Zeit, 43%, dunkelbraun” [12, С. 220]. Что касается «зверобоя», то Н. Шпитц нашла немецкий эквивалент — “Kräuterschnaps”, что означает просто «настойка», поэтому это тоже можно считать гипонимическим переводом. П. Урбан приводит другой немецкий эквивалент для данного напитка — ликёр “Drachentöter” и указывает в комментарии, что это сорт водки крепостью 40% [12, С. 210].

В произведении встречаются также названия различных алкогольных коктейлей, в том числе выдуманных. Коктейль «ёрш» (гл. «Чёрное — Купавна») Н. Шпитц переводит как “Wodka mit Bier” [13, С. 56] то есть «водка с пивом», и использование описательного перевода здесь позволяет понять состав напитка. Однако П. Урбан снова находит эквивалент — у немцев данный напиток носит жаргонное название “Beton” [12, С. 61], что он поясняет в комментарии [12, С. 218]. В главе «Электроугли — 43-й километр» Веничка делится с читателями рецептом «Ханаальского бальзама». Его «просторечное название» — «чернобулька» — Шпитц перевела с помощью уподобления как “Braunbär” [13, С. 64], то есть «бурый медведь», но лучше здесь выглядит способ калькирования, как у П. Урбана — “Schwarzbrauner” [12, С. 70]. В составе данного коктейля есть «политура очищенная», и оба переводчика передают её с помощью калькирования: “gereinigte Politur”. При этом у П. Урбана присутствует комментарий: “gereinigt von gesundheitsschädlichen Zusätzen. Die einfachste Art. Politur zu reinigen: die Politur wird in eine flache Schüssel gegossen und angezündet — geht die Flamme von Orange ins Dunkelblau über, ist die Politur verwendungsfähig (Vlasov)” [12, С. 222]. Мы видим, что в данном случае переводчик ссылается на комментарий Эдуарда Власова [6, С. 409], чтобы в точности

передать понятие. В этой же главе при переводе коктейля «Слеза комсомолки» переводчики пользуются калькированием, однако в первом немецком тексте утрачивается женский род существительного: “Komsomolzenträne” [13, С. 63]. Во втором тексте дан более корректный перевод — “die Träne der Komsomolzin” [12, С. 69], к которому есть комментарий, что название содержит в себе иронию, и, согласно негласному кодексу чести ВЛКСМ, комсомолец не плачет [12, С. 221]. Следующий коктейль — «сучий потрох». Н. Шпитц переводит его снова уподобляющим переводом — “Schweinegekröse” [13, С. 67], то есть «свинные потроха», у П. Урбана переведено более точно с помощью калькирования — “Hundekaldaune” [12, С. 73], то есть «собачьи потроха», что уже корректнее передаёт название коктейля.

Особенного внимания заслуживает перевод зарубежного алкоголя. Для такого напитка, как «херес», Н. Шпитц использует его иностранное название “Sherry” [13, С. 13] (гл. «Москва. Площадь Курского вокзала»). Но для немецкого читателя это говорит о том, что Веничка пьёт дорогостоящий импортный алкоголь, тогда как это всего лишь советский аналог. П. Урбан использует для «хереса» его название на испанском “Jerez” [12, С. 11] и указывает в комментарии, что напиток имел мало общего с настоящим испанским хересом: “Jerez — sowjet. Variante des Aperitif- bzw. Dessertweins, die mit ihrem span. Vorbild Sherry nurmehr wenig zu tun hatte, aber mit seinen 18–20% sehr beliebt war; nicht zu verwechseln mit »Portvejn«, den es ebenfalls gab” [12, С. 194]. Херес играет особую роль в поэме — это напиток, выпить который жаждет главный герой, но не может его получить в реальном мире, он соединяет начало и конец произведения: ресторан Курского вокзала и встречу со Сфинксом. Звуковой облик хереса вызывает ассоциации с именем Христос — важнейшим образом в поэме [2, С. 117]. «В свете категорий авторского кругозора поэма “Москва — Петушки” предстает в виде апокрифического евангелия от Ерофеева, в котором пьяница и сквернослов Веничка обретает облик Сына Божьего, посланного в мир людей, вкусившего все страдания человеческие и распятого злой силой этого мира» [10, С. 16]. Если придерживаться данной трактовки, то перевод П. Урбана передаёт эту деталь, ведь “Jerez” близок по звучанию к “Jesus”.

Рассмотрим перевод иной лексики, также относящейся к алкогольной тематике. Для её передачи переводчики используют переводческие трансформации — межъязыковые преобразования [1, С. 190]. Н.И. Дзенс и И.Р. Перевышина дают следующую классификацию переводческих трансформаций при переводах с немецкого языка на русский и с русского на немецкий: грамматические, лексико-грамматические и семантико-содержательные [5, С. 55–70]. При прочтении двух немецких текстов можно заметить, что в немецком языке нет эквивалентов словам «похмелиться» и «перепой». Так, краткое русское «не успел похмелиться» (гл. «Москва. Ресторан Курского вокзала») в переводе Н. Шпитц в ходе лексико-грамматической трансформации превращается в громоздкое немецкое “es fehlt dir nur noch ein einziger Schluck, um wieder klar im Kopf zu werden” [13, С. 16], переводящееся как «тебе не хватает всего одного глотка, чтобы снова обрести ясность в голове». У П. Урбана эта мысль звучит более кратко: “hast deinen Kater noch nicht ausgetrieben” [12, С. 15], то есть «ещё не избавился от похмелья». Получается, что за неимением в языке такого глагола, переводчик использует существительное “Kater” — «похмелье». И словосочетание «с перепоем» он переводит “mit Kater”. Хотя это разные слова, но суть передана верно, поэтому данный пример можно отнести к семантико-содержательной трансформации (лексической). У Н. Шпитц в этом случае используется “mit Brummschädel” — «с шумом в голове», что кажется более расплывчатой формулировкой по сравнению с “Kater”. Кроме того, в немецком языке нет эквивалента русскому слову «закуска». При переводе фразы «Заку-уска у нас сегодня блеск! Закуска типа “я вас умоляю”!» (гл. «Карачарово — Чухлинка») Н. Шпитц использует название конкретного продукта — “eine Wurst” [13, С. 26], то есть «колбаса». Данная трансформация также относится к семантико-содержательной, а именно гипонимическому переводу. П. Урбан снова прибегает к транслитерации — “Zakuska” [12, С. 25]. Конечно, читателю, не знающему русского языка, это слово будет совершенно непонятно, но на помощь приходит комментарий в конце книги: “Zakúska — Begriff für das, was man in Rußland nach dem Trinken zu sich nimmt, was man nachißt, um nicht zu schnell blau zu werden: Salzhering, eingelegte Pilze, Sandwich, ein Stück Wurst, notfalls ein Stück Schwarzbrot, an dem harte Trinker, um die Wirkung zu verstärken, nur riechen” [12, С. 201].

Заключение

Проведённое исследование показывает, что статистика использования способов передачи названий алкогольных напитков у переводчиков отличается: у Наташи Шпитц 33% названий были переведены с помощью транслитерации, 5% гипонимическим переводом, 44% уподобляющим переводом, 3% перифрастическим переводом и 15% калькированием. Петер Урбан перевёл 44% названий использованием транслитерации, 20% уподобляющим переводом и 36% с помощью калькирования. Переводчик не использовал методы гипонимического и перифрастического перевода. Также для передачи иной лексики, относящейся к алкогольной тематике, переводчики используют лексико-грамматические и семантико-содержательные переводческие трансформации. Перевод Петера Урбана является, на наш взгляд, более точным по сравнению с переводом Наташи Шпитц, так как переводчик стремился сохранить изначальное звучание номинаций при помощи транслитерации там, где это было возможно, или наиболее близко передать их значение с помощью уподобляющего перевода и калькирования. Кроме того, в переводе Петера Урбана присутствует подробный послетекстовый комментарий, который даёт возможность читателю понять действительный состав напитков и иронию автора в некоторых случаях, а также погрузиться в реальность, в которой живёт главный герой.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. — Москва : Международные отношения, 1975. — 240 с.
2. Башкова И.В. Названия алкогольных напитков как знаки миров в поэме В. Ерофеева «Москва – Петушки» / И.В. Башкова // Лингвистический ежегодник Сибири. — Красноярск : Красноярский государственный университет, 2000. — Вып. 2. — С. 111–119. — EDN ZQZMXX.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. — Москва : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
4. Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. — Москва : Международные отношения, 1980. — 352 с.
5. Дзенс Н.И. Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий : учебное пособие / Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина. — Санкт-Петербург : Антология, 2012. — 560 с.
6. Ерофеев В.В. Москва – Петушки (с комментариями Эдуарда Власова) / В.В. Ерофеев, Э. Власов. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 760 с.
7. Зорин А.Л. Пригородный поезд дальнего следования / А.Л. Зорин // Новый мир. — 1989. — № 5. — С. 256–258.
8. Латышев Л.К. Технология перевода : учебник и практикум для вузов / Л.К. Латышев. — Москва : Юрайт, 2024. — 263 с.
9. Пермяков А. Глядя из Петушкова / А. Пермяков // Вопросы литературы. — 2022. — URL: <https://voplit.ru/article/glyadya-iz-petushkov/> (дата обращения: 19.05.25).
10. Седов К.Ф. Опыт прагма-семиотической интерпретации поэмы В.В. Ерофеева «Москва – Петушки» / К.Ф. Седов // Труды Саратовского межрегионального центра по изучению художественного текста. — Саратов : Издательство Саратовского государственного педагогического института, 1955. — Вып. 5. — С. 4–6.
11. Шнитман-МакМиллин С. Венедикт Ерофеев «Москва – Петушки», или The rest is silence / С. Шнитман-МакМиллин. — Москва: Новое литературное обозрение, 2022. — 237 с.
12. Erofeev V. Moskau – Petuski. Ein Poem. Neu übersetzt und mit einem Kommentar von Peter Urban / V. Erofeev. — Zürich : Kein & Aber, 2005. — 269 S.
13. Jerofejew W. Die Reise nach Petuschki. Ein Poem. Aus dem Russischen von Natascha Spitz / W. Jerofejew. — München : Piper, 2021. — 176 S.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Barkhudarov L.S. Yazik i perevod (Voprosi obshchei i chastnoi teorii perevoda) [Language and Translation (Questions of general and specific translation theory)] / L.S. Barkhudarov. — Moscow : Mezhdunarodnie otnosheniya, 1975. — 240 p. [in Russian]
2. Bashkova I.V. Nazvaniya alkogolnykh napitkov kak znaki mirov v poeme V. Erofeeva «Moskva – Petushki» [The names of alcoholic beverages as signs of worlds in V. Erofeev's poem "Moscow – Petushki"] / I.V. Bashkova // Lingvisticheskii yezhegodnik Sibiri [Linguistic Yearbook of Siberia]. — Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State University, 2000. — Issue 2. — P. 111–119. — EDN ZQZMXX. [in Russian]
3. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosi) [Introduction to Translation Studies (general and lexical issues)] / V.S. Vinogradov. — Moscow : Publishing House of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education, 2001. — 224 p. [in Russian]
4. Vlakhov S.I. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in Translation] / S.I. Vlakhov, S.P. Florin. — Moscow : Mezhdunarodnie otnosheniya, 1980. — 352 p. [in Russian]
5. Dzents N.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika s nemetskogo yazika na russkii i s russkogo na nemetskii [Translation theory and translation practice from German to Russian and from Russian to German] : textbook / N.I. Dzents, I.R. Perevishina. — Saint Petersburg : Antologiya, 2012. — 560 p. [in Russian]
6. Erofeev V.V. Moskva – Petushki (s kommentariyami Eduarda Vlasova) [Moscow – Petushki (with commentaries by Eduard Vlasov)] / V.V. Erofeev, E. Vlasov. — Saint Petersburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. — 760 p. [in Russian]
7. Zorin A.L. Prigorodnii poezd dalnego sledovaniya [Suburban Long-Distance Train] / A.L. Zorin // Novii mir [The New World]. — 1989. — № 5. — P. 256–258. [in Russian]
8. Latishev L.K. Tekhnologiya perevoda [Translation Technology] : textbook and practical guide for universities / L.K. Latishev. — Moscow : Yurait, 2024. — 263 p. [in Russian]
9. Permyakov A. Glyadya iz Petushkov [Looking from Petushki] / A. Permyakov // Voprosy literatury [Questions of Literature]. — 2022. — URL: <https://voplit.ru/article/glyadya-iz-petushkov/> (accessed: 19.05.25). [in Russian]
10. Sedov K.F. Opit pragma-semioticheskoi interpretatsii poemi V.V. Erofeeva «Moskva – Petushki» [A Pragmatic-Semiotic Interpretation of V.V. Erofeev's Poem "Moscow – Petushki"] / K.F. Sedov // Trudi Saratovskogo mezhhregionalnogo

tsentra po izucheniyu khudozhestvennogo teksta [Proceedings of the Saratov Interregional Center for the Study of Artistic Text]. — Saratov : Publishing House of the Saratov State Pedagogical Institute, 1955. — Issue 5. — P. 4–6. [in Russian]

11. Shnitman-MakMillin S. Venedikt Erofeev "Moskva – Petushki", ili The rest is silence [Venedict Erofeev "Moscow – Petushki", or The rest is silence] / S. Shnitman-MakMillin. — Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. — 237 p. [in Russian]

12. Erofeev V. Moskau – Petuški. Ein Poem. Neu übersetzt und mit einem Kommentar von Peter Urban [Moscow – Petushki. A Poem. Newly translated and with a commentary by Peter Urban] / V. Erofeev. — Zurich : Kein & Aber, 2005. — 269 p. [in German]

13. Erofeev V. Die Reise nach Petuschki. Ein Poem. Aus dem Russischen von Natascha Spitz [The Journey to Petushki. A Poem. Translated from Russian by Natasha Spitz] / W. Jerofejew. — Munich : Piper, 2021. — 176 p. [in German]